

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

О.Л. Рябченко

**СОПРОТИВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ
СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ СТАЛИНСКОЙ
РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ
(1920–1930-е ГОДЫ)**

*Доклад на пленарном заседании
Международного симпозиума
«Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны»*

(Воркута, 17–19 октября 2013 г.)

Сыктывкар–Воркута 2013

УДК 378-057.87:323.281(477)"192/193"

Рябченко О.Л. СОПРОТИВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ СТАЛИНСКОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ (1920–1930-е ГОДЫ). Доклад на пленарном заседании Международного симпозиума «Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны» (Воркута, 17–19 октября 2013 г.). Сыктывкар; Воркута: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. 20 с.

В работе отмечается, что студенчество Украины отличалось активной жизненной позицией, вариативностью мышления, собственным взглядом на события, происходившие в 1920–1930-е гг. Приведены свидетельства высокого протестного потенциала этой категории молодежи, освещены различные формы недовольства политикой режима. Проанализированные материалы позволяют говорить о наличии среди студенчества значительного количества несогласных с политикой партии на различных участках хозяйственной жизни и в идеологической сфере.

Научный редактор д.и.н. И.Л.Жеребцов

Редколлегия

И.Л. Жеребцов (председатель), М.В. Таскаев (зам. председателя), И.О. Васкул, Н.М. Игнатова, Л.А. Максимова, Д.И. Пинаевский, М.Б. Рогачев

Рецензенты

д.и.н. М.А. Мацук
к.и.н. Н.И. Сурков

Издание осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001.

© О.Л. Рябченко, 2013

© Институт языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН, 2013

Студенчество всегда отличалось активной жизненной позицией, вариативностью мышления, собственным взглядом на происходящие события. Многочисленные источники свидетельствуют о высоком протестном потенциале этой категории молодежи, о различных формах недовольства политической режимом. В современной историографии окончательно не разработана типология форм сопротивления населения сталинскому режиму. В частности, Н. Верт предложил четыре уровня «сопротивлений» в сталинском СССР: 1) активное, проявляющееся в полном отторжении советской системы или основной составляющей политики режима; 2) социальное неподчинение, объединяющее широкую палитру действий и моделей поведения. Оно было проявлением стратегий ухода от контроля, от ограничений и запретов, установленных режимом в самых разнообразных сферах экономической и общественной жизни; 3) несогласие или расхождение во взглядах, которое определяется как любая форма оппозиционных и неконформистских настроений, выражающаяся в стихийной форме критика по отношению к тому или иному аспекту режима и его политики; 4) игнорирование норм, ценностей и идеологии режима, направленных на создание «нового человека» [1].

Протестные действия студентов основывались на отрицании отдельных компонентов коммунистического режима. С начала 1920-х гг. большевистским властям неоднократно приходилось сталкиваться как с активным, коллективным сопротивлением студентов и профессоров, так и с «пограничными формами» инакомыслия и недовольства [2]. Протест проявлялся, прежде всего, в стенах учебных заведений. Молодежь, которая еще сохраняла традиции старой школы, «боролась за свободную, независимую от государства, самоуправляемую школу, за свободу собраний, сходок, за свободные выборы студенческих организаций» [3]. В Харьковском институте народного образования (ИНО), как вспоминал И.Н. Буланкин, «вся эта масса проявляла бурную активность – не в пользу Советской власти. Борьба протекала под лозунгом: «За ИНО!» или «за университет!», что в переводе на политический язык означало: «за или против Советской власти» [4]. Подавляющее большинство вузов настроенно относилось к всевозможным советским нововведениям. Например, по словам политкомиссара Каменецких вузов С.Чалого, «профессора и часть студентов ИНО встретили мнение о коллективе протестом» [5], на момент основания эту идею поддержали только 15% студентов, а когда коллектив был провозглашен обязательным для всех сотрудников, часть

студентов оставила институт [6]. Протест проявился и в порче имущества ИНО, и в портрете В. Винниченко, висевшем в одном из помещений этого института, и в посадке свеклы вверх корешками [7]. Политком Харьковского института сельского хозяйства и лесоводства сообщал, что в помещении института развешаны иконы, срываются плакаты и объявления комячейки [8]. Отношение профессоров и студентов к коммунистам было враждебным, за редким исключением, и в Екатеринославском горном институте, хотя ячейка ВКП(б) в 1921 г. и насчитывала всего три человека [9].

Студенчество не ограничивалось противостоянием внутри учебных заведений. В феврале–марте 1922 г., протестуя против нового «Положения о вузах», забастовали профессора Киева, Одессы, Каменец-Подольского [10], а в Москве, Петрограде, Харькове и других городах прошли студенческие митинги и демонстрации [11]. Во время Кронштадтских событий лидеры эсеро-меньшевистского студенчества пытались организовать акции в поддержку тех, кто выступил против большевистского режима. Во многих вузах Киева, Харькова, Одессы распространялись эсеровские прокламации, особенно во время Московского процесса над эсерами. При отсутствии фактического материала трудно говорить о природе их происхождения, но в отчете Киевского ИНО, например, указывалось, что эти листовки распространялись в институте не студентами [12]. По мнению проф. А.Квакина, наоборот, антисоветские партии активно вели работу среди студенчества и через него влияли на рабочих и крестьян [13]. Но, как отмечали современники, к протестам власть оставалась глухой, а зачастую отвечала новыми арестами [14]. На протяжении 1921–1922 гг. в вузах Украины проходили аресты студентов – членов партии меньшевиков и эсеров. Например, в середине сентября 1922 г. за принадлежность к партии РСДРП(м) в Харькове было арестовано двадцать человек [15]. Все они были обвинены «в печатании и распространении нелегальных антисоветских листовок, журналов, в антисоветской агитации среди рабочих, в устройстве целого ряда нелегальных собраний ...» и высланы за границу и в Туркестан [16].

Следующая волна студенческих протестов была связана с вузовскими чистками, особенно сильное недовольствие вызвала социально-академическая проверка 1924 г. Исключенные из киевских вузов, отмечал начальник Киевского окружного ГПУ Иванов, настроены озлобленно и нервно. Отдельные студенты высказывали мысли о мести и терроре. В Медицинском институте группа студентов попыталась призвать, путем распространения прокламаций, к террору над «участниками проверочных комиссий, которые, якобы, совершают над ними насилие» [17]. Многие студенты связывали пожар в КПИ с действиями исключенных студентов, а некоторые даже призывали к таким актам и в других вузах, «поскольку демонстрация протеста не подействует должным образом». Появились листовки следую-

шего содержания: «Товарищи студенты! За время нашего пребывания в стенах института мы выпили горькую чашу насилия и, наконец, 1924 год нам предлагает выпить ее до дна. Издеваются над личностью, топчут ее ногами, нас душат за горло, чтобы мы голосовали «единогласно» – Гринюки, Карпуси, Герасимовы, Кислюки и другая сволочь по приказу «из центра» творят своё каиново дело. Людей, которые голодали, которые в невероятно трудных условиях грызли гранит науки, лишают возможности пользоваться результатами своего труда. Нам бросили вызов, мы, студенты, его принимаем. НЕ хныкать, НЕ унижаться, а действовать должны мы, не демонстрациями на улицах, где мы беспомощны, а вооруженной рукой террориста мы этих жалких трусов – негодяев сможем заставить себя уважать. Мы будем такими же безжалостными, как безжалостные они с нами. К действию, товарищи студенты! Группа студентов. Гринюки, Карпуси и К... «мементо море» [18]. Студенты этого института даже собирались обратиться за помощью к миссии тред-юнионов, прибывшая в это время в Москву и которая вскоре должна была посетить Киев.

Листовки с призывом к молодежи «проснуться от зимней спячки» появились и в Харьковском медицинском институте: «Помните, что мы – сила, мы сможем заставить с собой считаться, помните, что наше «я» смогут услышать не только здесь, но и там. Помните, что только решительностью действий мы сможем достичь своей цели и уничтожить “социалистических народных рабоче-крестьянских погонщиков”» [19].

Конечно же, наиболее активные студенты, которые протестовали против чистки, были арестованы. Так, стопроцентному пролетарию А.В.Давыденко, брата которого погибли на фронтах гражданской войны, находясь в рядах Красной Армии, за распространение листовки-протеста пришлось «доучиваться» на Соловках [20]. А по словам В. Бруновского, который в 1926 г. мог вести точную статистику казней ГПУ в Бутырской тюрьме, в 1926 г. из Киева в эту тюрьму были привезены 76 «бандитов», среди них – восемь студентов, которые организовали протест против академической чистки. Все они были казнены [21].

В конце 1920–1930-х гг. характерными были разнообразные формы противодействия: индивидуальные и групповые, открытые и анонимные. Прежде всего следует отметить свободу высказываний, которую позволяли себе многие, в том числе партийные студенты и комсомольцы. Проявлением оппортунизма считались антипартийные разговоры, несогласие с генеральной линией партии, коллективизацией. Информация, которая передавалась в ОГПУ свидетельствует, что партийными билетами в 1932 г. заплатились студенты Харьковского института красной профессуры Алексеенко, Комаровский, Поголиев и Рощенко за «разговоры о неверности линии партии... где это видно, чтобы люди сидели голодными и пухли от голода?» [22].

Аналогичные разговоры были зафиксированы среди студентов Киевского института профобразования. Например, студент Бурсов говорил, что «на селе голодают, а говорят об успехах пятилетки» [23]. Многие никогда и никому не высказывали свои мысли, потому что «комсомольцу за это может хорошо влететь как стороннику правых...» [24]. Именно так записал в своем дневнике М.Я.Афанасьев, харьковский студент. Его дневник – рефлексия на события, происходящие в украинской деревне в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Из этого источника мы можем узнать о повседневном историческом мышлении студента – выходца из деревни. 26 ноября 1929 г. юноша сообщает: «Я иногда думаю, что неверно делает советская власть, что вытягивает последние соки из крестьян. Во всех газетах только и видишь (Классовая борьба. Наступление на кулака, планы хлебозаготовок) а потом рядом с этим читаешь (На Н-ской станции зерно некуда девать, зерно гниет под открытым небом... зерно сыпается прямо в грязь, потому что нет помещений, куда можно было бы убрать хлеб). Вот по поводу этих фактов я думаю, что каждое сердце более сознательного крестьянина наверное проснется и на почве этого возникают такие противоречия между крестьянством и советской властью. Основная масса крестьянства, насколько я сейчас знаю, ни чуть не заинтересована в пятилетке...» [25]. Получая письма от родных, М. Афанасьев знал истинное положение крестьян, сочувствовал им и боль эту выплескивал на страницах: «И вот сегодня, когда я прочел письмо от бабушки, я ясно представил себе картину крестьянской жизни ... хлеба нет, распродали последних животных, приближается зима, детям надо ходить в школу, а ходить не в чем, есть нечего, старики прожили век, много терпели унижений от царизма, а потом власть перешла в руки пролетариата, и опять голые, голодные, необразованные, закованные в цепи некультурности и не слышно почему-то там отзвуков культурной революции, которую так хорошо нарисовала партия в своих планах» [26]. Но сомневался этот студент только относительно политики партии в деревне, в остальном же был убежден, что «компартия и советская власть делает все правильно».

Протест студентов выражался и в отказе выезжать на посевные и заготовительные кампании, на ликвидацию многочисленных «прорывов» на заводах, шахтах, строительных объектах. В отчетах часто отмечалось, что эта работа проводилась без особого энтузиазма, было много случаев дезертирства. Характерной можно считать заявление партийца с 1919 г. Каплана, студента Сталинского горного института: «Мы не каторжники, чтобы выполнять такую норму, сколько успеем, столько и сделаем» [27]. Поддержали члены партии и выступление студента Бондаренко по вопросу выезда на Днепрострой, в котором он с возмущением заявил, что «студенты – пробка, которой затыкают все дыры» [28].

На партийных, комсомольских или профсоюзных собраниях неоднократно отмечались случаи голосования против заранее спланированных решений, особенно против исключения однокурсников из комсомола. Причем известны не только одиночные выступления, но и групповые. Например, студент Днепропетровского института народного образования Заборовский, протестуя против исключения из комсомола своего товарища, подал заявление в бюро, где написал: «Прошу исключить меня из комсомола и дать возможность свободно мыслить» [29]. На общем собрании, где разбиралась эта ситуация, его поддержали 135 студентов.

Известны случаи критики работы партийных студентов и протест против выдвижения их на руководящую работу в выборные студенческие органы. Вместо коммунистов – «подлиз и неблагонадежных людей», предлагались другие, более достойные кандидатуры [30]. Также наблюдалось распространение теории на право сомнения, о чем неоднократно заявлялось на собраниях [31].

О широком распространении «крамольных взглядов» свидетельствует и тайное распоряжение, направленное во все институты в августе 1928 г., где от ректоров требовалось периодически сообщать Народный комиссариат образования о политическом состоянии вузов (в апреле и в октябре), а также предлагалось «сообщать о настроениях лектуры и студенчества в отдельных случаях независимо от установленного термина» [32].

Особенно встревожены были власти обстановкой на занятиях, где профессора «обрабатывали» студентов и последние начинали менять свои взгляды [33]. Преподавателей обвиняли в том, что они используют кафедру для пропаганды «вражеских» идей, иронизируя советские лозунги типа «догнать и перегнать» [34]. Студенты, в свою очередь, говорили, что «в СССР эксплуатируют рабочих сильнее, чем за рубежом», что «мы держимся только на терроре» [35]. Они противостояли организованным формам обучения, выступали против ударничества, бригад и сокращения терминов учебы, отказывались участвовать в общественной работе [36]. Недовольство властью и недостаточная борьба с «вражеской» профессурой квалифицировалась как «великий прорыв правого оппортунизма».

Более того, студенты открыто демонстрировали свое сочувствие преподавателям, освобожденным из-под ареста, например, в Житомирском ИНО группа студентов III курса, в том числе и комсомольцы, аплодисментами встретила преподавателя, арестованного по делу «Союза освобождения Украины» (СОУ) и через некоторое время выпущенного на свободу [37]. В восточных регионах Украины часть студенчества распространяла прокламации и занималась агитацией в поддержку арестованных по делу СОУ [38]. В связи с этим ЦК КП(б)У требовал от партийных организаций вузов усиления воспитательной работы. В вузах имели место также факты агитации

против митингов с целью разоблачения «контрреволюционной деятельности троцкистско-зиновьевской банды» [39].

Как правило, такие «идеологически невыдержанные» студенты исключались из вузов. Для продолжения учебы им надо было прилюдно раскаиваться, заверять о своей благонадежности и активно работать после этого в различных органах для выявления других оппозиционно настроенных студентов. После восстановления в правах студентов многие бывшие «оппозиционеры» доказывали свою преданность идеям партии тем, что сами решительно «чистили» студенческие ряды от «чужих». Например, исключенного в 1928 г. из партии «оппозиционера-троцкиста», секретаря комсомольской ячейки Киевского института народного хозяйства (КИНХ) С.И. Броневого не только защитили от преследований, но и взяли на работу в ГПУ. Позже С.И. Броневоу с гордостью отмечал, что «работая в ГПУ в Киеве принимал активное участие в разгроме троцкистской оппозиции, особенно арестовывая троцкистов, которые возглавляли оппозицию в институте народного хозяйства и втянули меня в нее» [40].

Поддерживать тех, кто попадал под критику, было опасно, большинство вынуждено было приветствовать постановления об исключении всевозможных «врагов» и «оппозиционеров» из комсомола и институтов. Разные документы говорят о молчаливой поддержке студентами действий партячеек, троек, «легкой кавалерии» и других инстанций, созданных для очищения от неблагонадежных. Во время процессов чисток они молча созерцали происходящее, готовились к занятиям или играли в морской бой. Происходило формирование самого массового типа молодежи в вузах – конформистского.

Но все же несмотря на преследования и репрессии, на опасность исключения из вузов, в студенческой среде постоянно фиксировались разнообразные формы протестного поведения. Например, в Одесском политехническом институте во время выборов в Советы в 1929 г. «систематически срывались лозунги, стенгазеты, плакаты, приказы» [41]. В одних вузах появлялись авторские стенгазеты антисоветского содержания с иллюстрациями [42], в других, как в Днепропетровском горном институте, стенгазеты анонимно расписывались «хулиганскими» надписями или комментариями на речи Сталина, был сломан бюст Ленина, что расценивалось как действия «классовых врагов» [43]. В 1934 г. неоднократно появлялись нецензурные надписи на портретах К.Маркса, рисовались «контрреволюционные» карикатуры на Сталина [44]. Кроме этого, в начале 1930-х гг. во многих вузах начала появляться фашистская символика и лозунги типа: «Пусть живет фашизм». Свастика была обнаружена, например, на стенах Киевского польского педагогического института, между окнами обнаружены крестики.

Своеобразным протестом против политики власти можно считать срыв демонстраций, митингов, вечеров, студенческих собраний, явка на которые

не превышала 40%. В Запорожском педагогическом институте (1937 г.) была сорвана явка на октябрьскую демонстрацию, когда вместо 1000 студентов появилось около сотни. В противовес этому, студенты могли очень организованно собираться на незапланированные властью акции. Как провокация был квалифицирован выход во время занятий всех студентов Харьковского института профобразования на похороны Н. Хвилевого [45].

Широкое распространение получили в то время контрреволюционные анекдоты и другие образцы студенческого «фольклора». Их можно считать своеобразной летописью того времени. Потребность в осмыслении реальности, несмотря на всю трагичность ее последствий, и тем более, потребность поделиться своими размышлениями с ближним, хотя и с некоторой опасностью для жизни или свободы, толкала людей на откровенность, пересиливала страх. Образцы «студенческого фольклора» дошли до нашего времени в небольшом количестве, поэтому важными есть и тексты, и идеи, определившие их появление.

Сквозь призму сатиры и юмора, как одной из ее форм, можно увидеть разнообразные проявления повседневности студентов, представить испытания судьбы, подготовленные для молодежи советской действительностью. К нам дошло небольшое количество таких образцов, ибо в большинстве случаев они не публиковались, а передавались в устной форме. Они свидетельствуют о критическом отношении к политике партии, которая пыталась воспитать единое мировоззрение у молодежи. В криминально-следственном деле Т. Забары написано, что этот студент не только рассказывал анекдоты, а й пытался доказать тождественность этих анекдотов с жизненными реалиями. В качестве примера приведем один анекдот, написанный Т. Забарой: «Что такое артель? – Если прочитать это слово справа налево (на украинском языке – артиль), получится литра, а литра – это водка, а водка – это дурман, поэтому артель – это дурман для крестьян» [46]. А студенты Киевского ИНО любили во время занятий пускать по рядам листики с разными стишками, где каждый что-то дописывал. О стихах своего однокурсника, в будущем поэта Н.Шеремета, которые отвечали идеологии партии, но которым недоставало поэтичности, они не без иронии писали:

Думати не треба, – все вже ясно,
Нам вказали шлях наш до мети.
Лиш наказ виконувати вчасно
І бадьоро крізь життя їти [47].

Очень откровенные размышления иногда можно было встретить на страницах периодических изданий. Например, ответ абитуриента на вступительном экзамене, который на вопрос: «Что такое Советская власть?», перефразируя лозунг «Коммунизм – это Советская власть плюс электрификация всей страны», висевший на стене, ответил, что это – «коммунизм минус

электрификация», а под электрификацией, соответственно, следует понимать «коммунизм минус Советская власть» [48]. Для того, чтобы прийти к таким выводам, следует знать только одну математическую формулу, зачем же читать много книг! Автор этого произведения откровенно ни с кем и ни о чем не полемизирует, но в данном случае мы можем говорить о литературном произведении как общественном поведении, как общественном поступке. Мы с точностью не можем сказать, можно ли этот стиль рассматривать как отражение реального поведения автора в жизни, возможно, это только так называемая «поведение в письме», но в 1926 году этого было достаточно, чтобы оказаться под следствием. В данном случае мы имеем яркий образец сатирического осмысления действительности.

«Хоть каким был опасным жанр сатиры, – вспоминал В. Сокил, – я любил его как форму, в которой минимально можно было в строго цензурованных условиях критически оценивать общественные явления и политические процессы» [49]. Несмотря на преследования, зная, что ждет в случае выявления авторства, студенты таким способом показывали свое отношение к действительности.

Смех объединял, помогал выстоять, позволял чаще видеть комическое в совершенно несмешных ситуациях. Политические по содержанию надписи появлялись и в туалетах. По словам М.Москвина, в туалете Харьковского технологического института можно было прочесть «вместо обычной похабщины» – лозунги, воззвания. «Вот требование изгнать ректора; вот надпись, кроющая советское правительство непечатными словами; вот основы Конституции будущего государства, сочиненные каким-то вузовцем; вот карикатуры на политические и бытовые темы; размышления, за которые ссылают в Соловки» [50]. Д.Нитченко вспоминал, что когда П.Тычиной с целью самосохранения был издан сборник стихов под красноречивым названием «Партия ведет», то «общественное сознание мгновенно и безжалостно отреагировала на это «событие» появлением на стене туалета Киевского университета экспромта:

Тичина також наш поет,
Він часто ходить у клозет,

Та він не сам туди іде –
Його скрізь партія веде» [51]

«Корень учения горек, а анекдоты его смешные», «Мало радости, что многие веселого сегодня» – звучало как приговор студенческим экспромтам, ставило табу на смех. Как говорил великий Гоголь, человеческого смеха боится всякий, даже тот, кто уже ничего на свете не боится. Смех становился острым и опасным оружием для обеих сторон. За один единственный политический анекдот в начале 1930-х гг. начали сажать в тюрьму и не только того, кто смеялся:

- За что посадили?
- За большой язык: рассказывал анекдоты. А тебя?
- За лень. Услышал анекдот и думаю: завтра донесу, а товарищ не поленился ...

Анекдоты как и другие юмористические нарративы являются семантически богатым, образно насыщенным и достаточно распространенным способом реакции на политическую ситуацию в стране. В них причудливо сочеталась и ненависть, и протест рядового гражданина против жестокости и несправедливости политики государства, и надежды, и мечты его, и смех, и слезы. «Их передавали шепотом, улыбаясь, на перекрестках улиц и на трамвайных остановках, оглядываясь, где-нибудь в конторе сотрудники, их передавали открыто и громко, чокаясь рюмками, в тесном кругу знакомых», – вспоминал профессор О. Маньков [52]. С первых шагов советской власти наиболее распространенными стали политические анекдоты. Острота анекдота была в его мгновенной реакции на событие и в лаконичности. В среде студентов достаточно распространенными были анекдоты о седьмом условии Сталина и антисемитские анекдоты, причем их распространяли и сами евреи. Так, большим мастером в этом деле был студент Харьковского технологического института, еврей по происхождению Гандварг, который рассказывал их однокурсникам в большом количестве, например: «В чем разница между Сталиным и Моисеем? – Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин – из политбюро» [53]. И таких анекдотов была неисчислимо количество. Трудно сказать, были их авторы случайными или нет, но они молниеносно разносились по всей стране.

В это время очень распространенным среди разных верст населения был бытовой (повседневный) антисемитизм. Не исключением были и студенты: «Волна антисемитизма среди студентов ширится и растет. Имеют место даже избиения студентов-евреев» [54]. Их называли «жидовскими мордами», «абрашами», в разговорах «слово «жид» склоняется всякими способами» [55], что часто провоцировало драки и даже поножовщину, как это случилось в Харьковском технологическом институте [56]. На общих партийных и комсомольских собраниях в президиум поступали записки с вопросами: «Почему евреев переселяют в Крым?», «Почему евреи в большинстве своем торгаши?» [57]. Евреев обвиняли в хозяйственных трудностях, в бюрократизме аппарата, в протекционизме. Недовольство положением освещалось и в устном творчестве:

- «Жид заседает в Совнаркоме.
- Жид всей страну управляет.
- Жид нас повсюду вытесняет.
- Жидами Крым уж населяют.
- Русь в Палестину обращают» [58].

Власть выделяла две формы антисемитизма: активно-сознательный как составная часть контрреволюционной работы со стороны «вражеских» групп населения, к которым принадлежали «кулачество и петлюровщина в селе, часть спецовской интеллигенции в городе» и бытовой, несознательный, который развивается посредством влияния первой категории и поэтому объективно также выступает в поддержку активной формы антисемитизма [59]. Поэтому и стишки, и высказывания о том, что «евреям дают землю в Крыму, а украинцев гонят в Сибирь», расценивались как опасные, считалось, что под «лозунгами национальной вражды к евреям» ставились задания ведения «контрреволюционной борьбы с советской властью: на случай войны – бить евреев, коммунистов, а потом и профсоюзы» [60]. В тайной сводке Одесского окрпарткома указывалось, что антисемитские разговоры среди студентов носят массовый характер практически во всех вузах и в первую очередь там, где основную массу студентов составляют выходцы из сел [61]. Неудовольствие вызывали те привилегии, которые будто были у евреев. В стихотворении студента Т.Забары, например, читаем:

«Запродана Україна, така її доля.

Жидам вона за продана, вони зараз керують,

А ці бідні українці по допрах бідують» [62].

Неоднократно на собраниях поднимался вопрос о введении процентной нормы для евреев при поступлении в институты: «Выступает комсомолец и жалуется, что в КИНХе маловато украинцев. И здесь же объясняет: мало потому, что много евреев... После него берет слово член бюро комсомольского коллектива и развивает эту мысль: «Надо предпринять решительные действия. Верно, что много евреев. Не мешало бы ввести процентную норму (не больше двух процентов) для евреев в вузах» [63]. Процентные нормы были действенным инструментом снижения численности студентов-евреев в вузах Российской империи [64]. В советских вузах призывы к ограничению количества лиц еврейской национальности квалифицировались как «неслыханные выкрутасы» со стороны людей, «скрывающих свое классово чуждое лицо за комсомольским билетом», в прессе предлагалось «привить всем студентам непримиримую вражду к антисемитизму» [65]. Несмотря на это, евреи неоднократно становились объектами насмешек и издевательств. Такое отношение вызывало сопротивление евреев, например, комсомолка этой национальности в Киевском ИНХ на собрании призывала евреев к единству для совместной борьбы [66].

Безнадежность в противостоянии большевистскому режиму толкала некоторых студентов к нелегальному побегу за границу. Студентам приходилось пересечь не одну границу на своем пути к свободе: чаще всего бежали через Румынию и Польшу [67]. В Польше, если студент попадал в руки полиции, его арестовывали и отправляли обратно на верную погибель. Так,

например, пытались поступить с Г. Клименко, бывшим студентом Киевского политехнического института, которого на родине преследовали и арестовали большевики по повстанческую работу в 1919 и 1920 гг. , но он смог убежать из ЧК в Польшу. Там его снова арестовали, но отправить в Советскую Украину не успели – Г. Клименко удалось бежать в Чехословакию в ноябре 1923 г., где он и обратился в Совет Союза студентов-эмигрантов из Великой Украины с просьбой принять его в эту организацию [68]. Так же поступил и Ф. Антонович-Лещинский, который в период с 1918 по 1921 год был казаком в украинской армии, а после окончания освободительной борьбы пытался закончить начатое в 1918 г. образование на физико-математическом факультете Киевского университета Святого Владимира (в советские времена реорганизованного в Киевский институт народного образования), но вынужден был нелегально перебираться в Польшу, а затем в 1923 г. также нелегально из Польши, спасаясь от преследований полиции [69].

Но не всем выпадало счастье избежать или преодолеть тюремные стены. Так, студента Каменецкого сельскохозяйственного института И. Чорного, который в 1922 г. сделал попытку нелегально через Польшу добраться в Прагу с надеждой учиться в университете, «поляки поймали во Львове и вернули в Советскую Россию», где неудачник, просидев два месяца в ГПУ, был возвращен для продолжения образования [70]. Это вовсе не означает, что его «грехи» были забыты, поскольку уже в следующем году И. Чорный был «вычищен» из института [71]. О дальнейшей его судьбе также легко догадаться.

Выход из «кромешного мрака» виделся некоторым студентам в самоубийстве, например, в Одесском сельскохозяйственном институте за четыре месяца случилось пять самоубийств [72]. Аналогичные происшествия происходили во многих вузах, но они рассматривались «как попытка подрыва работы в деле проверки студенчества» [73]. Так, когда студент IV курса мехфака Киевского политехнического института П. Богун повесился, узнав о намерениях исключить его из института, как чуждый элемент, в газете этого института говорилось: «Нас не испугает казнивший себя петлюровец [...]. Настоящий пролетарский студент не должен бояться проверки, а наоборот, он должен усилить свое участие в работе по проверке» [74]. Заместитель наркома просвещения УССР А.Т. Приходько отмечал, что самоубийства были следствием произвола проверочных комиссий в институтах [75]. А в периодике таких людей объявляли «дезертирами из общего фронта» и призывали «поставить этот вопрос перед всей студенческой организацией во весь рост и сделать из этих фактов нужные политические выводы» [76]. Активный комсомолец, пользовавшийся уважением всего курса за свою доброжелательность, веселый нрав, хорошую успеваемость, был исключен из комсомола и Харьковского университета за сокрытие того, что отец в годы нэпа имел небольшой торговый киоск на рынке. «В большинстве из нас вну-

три против этого все протестовало» [77], – писал Б. Красовицкий. Но это не помешало исключению. В отчаянии студент пришел на занятия группы и выпил раствор цианистого калия, пытаясь покончить с жизнью. В больнице его удалось спасти и, к радости студентов, восстановили в университете (но не в комсомоле). Остро чувствуя фальшь действий власти, некоторые партийцы открыто заявляли на собраниях о своем несогласии с генеральной линией партии, пытались распространять свои взгляды среди партийцев и комсомольцев, ища в них участие. Но стена непонимания и молчания, и, как следствие, обвинение во «вредности взглядов» и исключение из партии, довольно часто становились поводом для лишения себя жизни [78]. Не имея возможности противостоять тоталитарной системе, добровольно выходя за пределы бытия, самоубийцы пытались хотя бы привлечь внимание широкой общественности к действительному положению вещей в обществе. О влиянии на саму систему говорить в этом случае не приходится.

Таким образом, многочисленные факты позволяют говорить о наличии среди молодежи значительного количества несогласных с политикой партии на различных участках хозяйственной жизни и в идеологической сфере. В тоталитарном обществе дефицит свободы размышлений и высказываний на политические темы компенсировался с помощью антипартийных разговоров, своеобразного фольклора, политических анекдотов, которым не требовалось особое разрешение для возникновения и распространения. Студенческий мир не был исключением, необходимость в осмыслении действительности и самопознании приводила к разнообразию позиций, взглядов, оценок преобразований в обществе, позволяла увидеть за праздничным фасадом противоречивость жизни. Невозможно точно сказать, сколько студентов имели, по выражению В. Сосюры, пятиконечную звезду на фуражке, а на сердце – тьму, важно другое – среди них постоянно фиксировались разнообразные формы противодействия режиму. Единичные и массовые, анонимные и открытые, они свидетельствуют о том, что центральная власть не оправдывала социальных ожиданий многих молодых людей.

Источники и литература

1. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Николая Верт; [пер. с фр. А. И. Пигалева]. М., 2010. С. 338–340.
2. См.: Рябченко О. Студенти радянської України 1920–1930-х років: практики повсякденності та конфлікти ідентифікації. Харків, 2012. С. 176–181.
3. Олицкая Е. Л. Мои воспоминания. Frankfurt/ Main, 1971. Кн. 1. С. 170.
4. Академик Иван Николаевич Буланкин. 1901–1960. Харьков, 2004. С. 74.
5. Чалий С. Жони професорські // Вісти. 1922. 17 лют.
6. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 20. Д. 1513. Л. 48.

7. Комарніцький О.Б. Студентство Кам'янець-Подільського інституту народної освіти в період репресій (20-ті роки ХХ ст.) // Іван Огієнко і сучасна наука та освіта : наук. зб. Серія історична та філологічна. 2009. Вип. 6. С. 53.
8. Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО). Ф.П-1. Оп. 1. Д. 405. Л. 53.
9. Ляликов Ю.С. Человек, который «видел» электроны. Кишинев, 1978. С. 31.
10. Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні у 1920-ті рр. Тернопіль, 2000. С. 92.
11. Маслов С. Россия после 4 лет революции. Париж, 1922. С. 171.
12. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. 166. Оп. 2. Д. 1077. Л. 172.
13. Квакин А.В., Постников Е.С. Завоевание высшей школы: Профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 – конец 1930-х годов). М., 2009. С. 470.
14. Сорокин П.А. Современное состояние России. Прага, 1922. С. 79.
15. Тріпутіна Н. Вірність покликанню: Черкес Даниїл Самойлович // Реабілітовані історією: Харківська область. К.; Х., 2008. Кн. 1, ч. 2. С. 161.
16. Отраслевой архив Службы безопасности Украины, г. Харьков. Д. 015151. Л. 8.
17. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1908. Л. 16.
18. Там же. Л. 20.
19. ГАХО. Ф. Р-6452. Оп. 6. Д. 594. Л. 66, 68.
20. Там же.
21. Бруновский В. Дело было в СССР: (странички из воспоминаний бывшего «смертника») // Архив русской революции. М., 1993. Т. 19–20. С. 132.
22. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5558. Л. 3.
23. Там же.
24. ГАХО. Ф.Р-6452. Оп. 6. Д. 583. Л. 168.
25. Там же.
26. Там же.
27. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5558. Л. 110.
28. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4637. Л. 25.
29. Оплесками «боряться» з правою ідеологією // Студент революції. 1930. № 9. С. 35.
30. ГАХО. Ф. Р-5645. Оп. 3. Д. 1. Л. 108.
31. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4637. Л. 21.
32. Государственный архив Житомирской области. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 18. Л. 5.
33. Злодії що вкрали студентські квитки // Комсомолець України. 1929. 14 лютого.

34. Светов С. Чого навчає Одеса // Студент революції. 1930. № 3. С. 31–32.
35. ГАХО. Ф. Р-5645. Оп. 3. Д. 1. Л. 108.
36. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4637. Л. 16.
37. Сумний О. Студентство в культнаціональному будівництві // Студент революції. 1930. № 8. С. 2.
38. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4637. Л. 18.
39. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 7096. Л. 15.
40. Цит. за: Золотарьов В. секретно-політичний відділ ДПУ УСРР: Справи та люди. Харків, 2007. С. 10.
41. Светов С. Чого навчає Одеса // Студент революції. 1930. № 3. С. 32–33.
42. ГАХО. Ф. Р-6452. Оп. 3. Д. 2767. Конверг; Там же. Оп. 1. Д. 6174. Л. 33, 35.
43. Рябов М. Новорічна прогулянка антисеміта Ямпольського // Студент революції. 1933. № 4. С. 1.
44. ЦГАОО України. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1114. Л. 12.
45. ЦГАОО України. Ф. 7. Оп. 1. Д. 906. Л. 31.
46. ГАХО. Ф. Р-6452. Оп. 1. Д. 6174. Л. 25, 26.
47. Костюк Г. Зустрічі і прощання: Спогади. Кн.1. Едмонтон, 1987. С. 157.
48. Трушков В. Формула советской власти // Красное студенчество. 1926. № 10. С. 24.
49. Сокіл В. Здалека до близького: Спогади, роздуми. Едмонтон, 1987. С. 208.
50. Москвин М. Хождение по вузам. Воспоминания комсомольца. Paris, 1933. С. 12.
51. Нитченко Д. Від Зінькова до Мельборну // Березиль. 1992. № 3–4. С. 113.
52. Маньков А. Г. Из дневника рядового человека // Звезда. 1994. № 2. С. 151.
53. ГАХО. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.
54. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3021. Л. 8.
55. Антисеміти вишкіряють зуби // Комсомолец України. 1929. 11 січня.
56. Государственный архив Харьковской области. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.
57. Там же.
58. ГАХО. Ф. Р-6452. Оп. 2. Д. 1839. Л. 12, 13.
59. Государственный архив Полтавской области. Ф. Р-369. Оп. 2. Д. 8. Л. 67.
60. Там же.
61. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3021. Л. 8.
62. ГАХО. Ф. Р-6452. Оп. 1. Д. 6174. Л. 19.
63. Антисеміти вишкіряють зуби // Комсомолец України. 1929. 11 січня.
64. Иванов А.Е. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? М., 2007. С. 63.

65. Антисеміти знов орудують в Геодезичному інституті // Комсомолец України. 1929. 17 жовтня.
66. Мірошниченко О., Баумштейн В. Що робиться в Київському інгоспі // Студент революції. 1929. № 4. С. 23.
67. Рябченко О.Л. «Мысли эмигрантского студенчества тянутся к Золотой Праге»: дороги и бездорожья украинских студентов в послевоенной Европе (1920-е годы) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб., 2011. С. 167.
68. ЦГАОО Украины. Ф. 269. Оп. 1. Д. 870. Л. 126.
69. ЦГАОО Украины. Ф. 269. Оп. 1. Д. 870. Л. 42.
70. ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 5. Д. 604. Л. 109.
71. Рябченко О.Л. «...А ви у сусідів шукаєте долі»: Українські студенти-емігранти з Наддніпрянщини у Польщі (перша половина 1920-х років) // Науковий вісник Ужгородського університету. Сер. : Історія. 2009. Вип. 23. С. 131.
72. Светов С. Чого навчає Одеса // Студент революції. 1930. № 3. С. 29.
73. Дефі Ф. Замість некролога // К.П.І.: газета прол. студентства, професури та службовців Київ. політех. ін.-ту. 1929. № 80.
74. Там же.
75. ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 9. Д. 52. Л. 148.
76. Светов С. Чого навчає Одеса // Студент революції. 1930. № 3. С. 34.
77. Красовицкий Б. М. Воспоминания. Харьков, 2008. С. 133.
78. ГАХО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 622. Л. 94, 95.

Для заметок

Научное издание

Ольга Леонидовна Рябченко

**СОПРОТИВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ
СТАЛИНСКОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ (1920–1930-е ГОДЫ)**

Печатается по решению оргкомитета
Международного симпозиума
«Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны»

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Уч.-изд. л. 1,0. Усл. печ. л. 1,25.

Тираж 100 экз. Заказ № 22.

Редакционно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

